Александр Етоев

Симплегады

Часть сборника

Эксперт по вдохам и выдохам (сборник)

Александр Етоев

Симплегады

«Автор»
1998

Етоев А. В.

Симплегады / А. В. Етоев — «Автор», 1998

«Те двое прилепились прямо к стене, как раз у окон квартиры, где жил Масленников.«Как мухи», – подумал Мендель.И правда, в их черных фигурах было что-то от назойливой помоечной нечисти, на которую так богато пыльное городское лето…»

© Етоев А. В., 1998
© Автор, 1998

Симплегады

Те двое прилепились прямо к стене, как раз у окон квартиры, где жил Масленников.

«Как мухи», – подумал Мендель.

И правда, в их черных фигурах было что-то от назойливой помоечной нечисти, на которую так богато пыльное городское лето.

Они висели, пока не двигаясь, изучали обстановку. Место они выбрали удачно. Часть дома выходила на огороженный участок автомобильной свалки, а напротив стоял флигель с большим грязным брандмауэром. Внизу догнивали пустеющие гаражи и ютилась древняя прачечная. Если кто и сунется в эту дыру, то наверняка не посмотрит вверх, а поскорей прошмыгнет по своим делам, чтобы миновать темное место. К тому же здесь мерзко пахло – жители дома вываливали отбросы прямо туда, за забор, где ржавели останки автомобилей. Мусоропроводники в домах забивались часто, а так – за окно – было проще и никому не мешало.

«Кто они, пожарники или шпана? Шпана, та больше мочится в форточки, да и то, когда хозяев нет дома. Пожарники – профессионалы. Раньше их называли домушниками, некоторые и сейчас так себя называют.»

Мендель заметил: за рекой между облаком и домами промелькнула стеклянная капля патрульного вертолета.

Фигуры на стене исчезли, словно их не было.

«Пожарники. Значит, дело серьезное.»

Мендель знал, мимикрией владеют немногие. И платят хорошие деньги за это прибыльное умение. Но, ежели что, и добавляют прилично. Некоторым дотягивают до вышки. А там, на вышке, на беспилотных ярусных фермах, которые крутятся между зоной защиты и орбитами биоспутников, – десять-двенадцать лет, и все: нет человека.

Двое на стене появились снова. Один из них, умело передвигаясь, сделал обвод рукой по квадрату оконной рамы. Другой его страховал. В руке у второго что-то такое было, но как Мендель ни всматривался, не смог разглядеть – что.

Люди на стене работали быстро, без суеты, одно слово – профессионалы. Они снова исчезли, но патрульной машины в воздухе Мендель не обнаружил.

«Сейчас начнут.» Мендель чуть не вылез из своего укрытия, но вовремя спохватился. Если бы в этот момент его увидели со стены, то все – считай, дело плохо. До вечера он уже вряд ли тогда доживет. А быть живым этим вечером ему обязательно нужно. Вечером – скайбол, кубинские «Птицы» играют с нашими «Птеродактилями». Верхний ближний у «Птиц» – знаменитый Бодио. А знаменитого Бодио увидеть хотелось.

Двое появились опять. Что-то у них не ладилось. Мендель видел, как тот, что работал со стеклом, сплюнул, переговорил с напарником и перебрался к следующему окну.

Голос прозвучал, как удар, хотя человек, стоявший у Менделя за спиной, произносил слова очень тихо, даже намеренно тихо, чтобы, не дай Бог, не услышал кто-нибудь со стороны.

– И как тебе наши ребята? Нравятся?

Говоривший стоял, руки скрестив на груди, и уголки рта у него неприятно дергались. Лицо незнакомца было наполовину скрыто навесным щитком поляроида, и это делало его мертвым, как маска, потому что отсутствовал взгляд. К ушам прилепились черные жабы наушников, а на запястьях Мендель заметил белые металлические зажимы. Роста человек был невысокого, лишь на голову выше Менделя.

Мендель сразу понял, что влип. Волна страха покатилась от головы по спине, ноги сделались слабыми. Но вопрос был задан, и на него требовалось отвечать.

– К-какие ребята?

В голосе незнакомца появилась не то издевка, не то глумливое удивление.

– Ну эти вот, Шнек и Маленький, за которыми ты наблюдаешь уже ровно двадцать минут. Я засекал.

Мендель старался говорить искренне, тем более, что причин для неискренности у него быть не могло – обычный мальчишеский интерес, вот и вся причина. Но от страха голос ломался, и получалось плохо.

– Я…не знал. Правда. Я не думал…

– Так и никто, братец, не думал, что в этом лесу водится птица-дятел. Небось, уже подсчитываешь, сколько дадут за каждого? Ведь подсчитываешь, верно?

– Я, правда, я только смотрел. Я – ничего.

Голос у человека сделался несколько мягче.

– Ну ладно, допустим. Одно тебя спасает – ты малолетка. Было бы тебе чуть побольше годков, я бы не стал тут с тобой разговоры разводить. Понимаешь?

Мендель быстро кивнул.

Незнакомец оглядел место, где они находились. Это была полуразрушенная бетонная клеть с обвалившимся потолком и частыми пробоинами в стенах. Из пробоин торчали ржавые прутья арматуры, и через эти-то дыры хорошо просматривалась стена дома, на которой работали пожарники. В углу бетонной коробки лежал широкий оцинкованный лист, им прикрывалась дыра в бетоне – лаз, который вел под стену соседнего флигеля и оттуда в подвал. Мендель об этом знал, незнакомец, кажется, нет.

Но по быстрому взгляду, который Мендель бросил на лист, человек, видимо, догадался. Он подошел ближе, и сдвинул лист ногой.

– А ты здесь, я гляжу, хорошо устроился. Щель неплохая. Даже есть куда драпать в случае чего. Ты местный?

Мендель хотел сказать «нет», потому что боялся этого человека, но именно потому что боялся, его «нет» пропало, не перейдя в звук, а губы сказали: «Да».

Незнакомец спрыгнул в провал, отчего сразу сделался карликом. Над бетоном торчали одни лишь плечи и маска лица. Он нагнулся и посмотрел в уходящую к стене темноту. Потом спросил, не вылезая из ямы:

– Имя? Как тебя звать?

Опять ему очень хотелось назваться каким-нибудь чужим именем и опять страх не позволил солгать.

– Мендель.

– И все?

Человек вылез из ямы и положил лист на место.

– Мендель Рутберг.

Человек подошел очень близко к Менделю. Мальчику даже показалось на миг, что за радугой поляроида мелькнули его глаза, но лишь показалось, такого не могло быть – щиток надежно скрывал лицо.

– Так вот, Мендель Рутберг. Сейчас здесь будут ребята. Да-да, те самые, Шнек и Маленький, твои лучшие друзья. У них сегодня что-то не очень хорошо получается – сезам не желает открываться. Между прочим, Шнек – парень суеверный, он, знаешь ли, верит в дурной глаз. Так что подумай, что он может сказать, когда узнает, чья это работа. Тебе сколько лет?

– Десять.

– И много и мало. Но во всяком случае, достаточно, чтобы жалость не перевесила осмотрительности. Что же с тобой делать, что же нам делать с тобой, Мендель Рутберг? Отпустить домой?

* * *

Мундштук у Маленького Генерала был именной, наборный, из редких кусков янтаря с серебряной гравированной окантовкой. Перед тем, как закурить сотую за день сигарету, он булавкой счистил нагар и легонько продул отверстие.

«Экстренный вызов». – Маленький Генерал улыбнулся и, наконец, закурил.

До полуночи – два часа. И два – после полуночи. Итого, четыре, нет, четыре часа шестнадцать минут, раз уж в Управлении он считается таким пунктуальным. Интересно, кто первый пустил по отделам прозвище – Маленький Генерал? Кажется, оно пошло гулять после давнего визита министра. Наверное, сам министр и пустил, ох уж эти важные столичные орхидеи, чьи дурацкие шутки идут наравне с приказами. Это было двадцать пять лет назад, а кажется, что вчера. Сколько воды утекло, сколько пороха нюхано! А табака! И министра давно турнули.

Генерал зажмурился и выдохнул сладкий дым. Он парил в тающем облаке, скрытая вытяжка работала в Институте исправно, не то что у него в Управлении. Вот так, плавая в табачном дыму, легко можно представить, что кругом порох, а не табак, а перед ним не стол в секретной лаборатории и не длинная вереница пультов, опоясывающая стены по кругу. А дымное поле сражения, и сам он, если не Отец-Император, благословляющий на подвиги войска, то фельдмаршал, по крайней мере. А Маленький Генерал – это бывает обидно.

Он снял с рычажков трубку и чуть было не зевнул, прослушав срочную информацию, пропущенную через блок дешифратора. Но удержался, расправил плечи, очередной раз удивился искусству пиджачных дел мастеров и смахнул с обшлага пыль.

– Ну и что? – Генерал представил, как его собеседник тужится казаться непринужденным. – Ах да, не было ценных указаний. Правильно, правильно, капитан, непредвиденный случай. Скажи своему Кравцу спасибо, что хоть мальчика не угробили. Ведь могли, с его душегубов станется. Как быть с мальчиком? Отпустите его домой, он вам что, мешает? Можете слегка постращать. А можете не стращать, он, наверно, и так… Николай Максимович, бросьте. А если и даже по заданию Масленникова, что с того? Теперь это роли не играет. Теперь. – Маленький Генерал бросил взгляд на часы. – А скоро даже и вспоминать об этом будет смешно. Не вам мне про это говорить. – Генерал подумал, что разговор с капитаном уже переходит грань, за которой начинается болтовня, но отключать связь не спешил. Когда еще выдастся такая возможность – просто поговорить с подчиненным, да и выдастся ли вообще.

Время тянулось медленно. До начала эксперимента… Успокоиться. Сколько можно смотреть на часы. Хорошо сейчас детям за стенкой в соседней лаборатории. Никаких забот. Надо зайти, посмотреть, может, нужно чего. Нет, потом. Дети спят. Сам же посылал к ним врача. Не мешало бы и ему соснуть. Выспаться. Неизвестно, что будет ТАМ…

Он поднес микрофон совсем близко, будто кто-то мог его здесь подслушать:

– А Кравец… Сами думайте. По-моему, он, как только получил капитана, стал слишком самоуверенным. Слишком. Это он придумал ползать в открытую по стене? Неважно, группа в его подчинении. Надо знать, кого посылаешь. Николай Максимович, – Маленький Генерал сменил тон, – когда возьмете отдел, поменьше обращайте внимание на все эти «а вдруг», «не дай Бог» и прочие школярские пугала. Помните: события происходят сами. Ваше дело – слегка попинывать их под зад. Но легонько, чтобы не отшибить ногу. Вы меня понимаете? Ну все, капитан, прощайте. Через десять минут у меня академическая летучка.

* * *

Подходя к кабинету Лежнева, Кравец обернулся, не выходит ли кто в коридор. Коридор был пуст, большинство кабинетов заперто, тогда Кравец выругался чуть слышно, плюнул под ноги и затер подошвой плевок.

Кого винить, когда хронически не везет? Обстоятельства? Опергруппу? Этого любопытного паренька? Слава Богу, Семерка догадался не сунуть в лицо мальчишке служебное удостоверение. Хватило ума прикинуться шайкой ворья, пожарниками, что чистят со стен квартиры. Конечно, мальчишка высиживал неспроста, выполнял задание Масленникова. Но зачем? С какой целью? Неужели Масленников стал таким осмотрительным? Если как следует на этого Менделя надавить…

Он остановился у двери, вошел и сразу же натолкнулся на взгляд.

– Проходи, Кравец. – Хозяин кабинета сидел за столом у окна, набухшие веки слезились от табачного дыма. Горстки пепла лежали повсюду – на полу, на столе, на узкой полосе подоконника. Было душно и жарко. – Вон стул, садись, капитан, небось набегался за день. – Лежнев прищурил глаза, пытаясь улыбнуться. Улыбка не получилась, вышла какая-то размазня, он и сам это понял и улыбаться перестал.

– Чаю хочешь?

Кравец отмахнулся рукой и устало опустился на стул. Стул скрипнул. Кравец косо на него посмотрел и подумал: «Сейчас еще и стул развалится».

Лежнев, зажав в руке карандаш, постучал им по столу.

– Так, значит, вляпались твои мальчики, забыли, что перед работой надо как следует осмотреться. Что теперь будешь делать?

Кравец напрягся весь, побледнел и вцепился руками в стул:

– Мендель связан с Масленниковым, это Масленников его нам подсунул. Я думаю, если хорошенько надавить на мальчишку…

– То выяснится, что мальчишка действительно связан с Масленниковым. Ну и что?

– Картина прояснится.

– Прояснится, товарищ капитан. А тебе от этого легче? Мне – нет. Сейчас я разговаривал с генералом. Его мнение – мальчика следует отпустить. Я с его мнением согласен. А ты?

Кравец помолчал и ответил:

– Я тоже.

– Ну вот и отлично. Где он сейчас, я имею в виду мальчишку? – Карандаш в руке Лежнева выбил частую дробь.

– Ребята отвели его на секрет. Распоряжений я пока не давал. Хотел с тобой посоветоваться.

– Я уже посоветовал.

– Жаль…

– Чего жаль?

– Жаль, что нельзя на него надавить.

– Не надо, Кравец, раздавите. Мальчика отпустите. Но не сразу. Подержите его на секрете, попугайте легонько. Испытайте его тестировкой, подберите что-нибудь этакое, «пуговицу», например. С тестом я помогу. А там пусть отправляется куда хочет. И самое главное – раз уж затеяли игру в преступников, доигрывайте до конца. Бросать тень на Управление, пусть даже в глазах мальчишки – сам понимаешь, чем это для всех грозит.

* * *

Вода в этом месте была хоть и мутной, хоть и здесь от нее исходил тяжелый лекарственный запах, все же сквозь бурую муть Мендель видел, как в глубине вьются темные ленты водорослей и даже несколько раз промелькнуло что-то живое.

Дыхание его успокаивалось, но сердце еще колотилось после сумасшедшего бега по улицам, еще помнило о прыжке в темноту, когда он падал наугад за незнакомую стену, потом несся по проходным дворам, нырял в подвалы и подолгу стоял в темноте, пугаясь каждого шороха. Как он крался, выбирая места потемней, и долго стоял в тупичке возле площади, долго-долго, потому что площадь перед мостом пугала своей открытостью и освещалась ярко, как цирковая арена. А ему непременно надо было ее пересечь, чтобы забиться сюда, в тайную щель под мостом, знакомую по дневным играм.

Почему он решил, что здесь всего безопаснее? Он не решал, сам страх гнал ноги сюда, подальше от тех людей, а самое главное – подальше от дома, потому что там – дедушка, и домой возвращаться нельзя.

Мендель боялся за дедушку. Хоть тот и старик, и по возрасту в доме ему выпадало старшинство, но Мендель-то понимал, что дед только по возрасту старший. На самом деле он как ребенок – со своими книгами, и кроме книг ничего не видит. Разве он, дедушка, может понимать, что те книжные истины, о которых Менделю толкуется каждый день, и тот мир, для которого эти истины мельче пыли дорожной, настолько разны, настолько несовместимы, что прими любую из них за путеводную нить, не проживешь и дня.

В воде плавали и переливались разноцветные блики и пятна – следы фонарей на мосту и фар патрульных машин. Район моста входил в зону усиленного надзора, и машины появлялись здесь часто, на ходу под звуки сирен расплескивая по сторонам тревожный мерцающий свет. Время от времени с размеренной частотой по воде проплывали желтые круглые луны – кормовые огни аэробусов и стрелы прожекторов вертолетов ночного дозора. Размытое световое пятно от прожектора на вышке воздухообогатителя – он нависал огромно и неподвижно над гладкой водой заливчика – почти достигало убежища. Иногда свет поднимался по металлической ферме, но в убежище не попадал. Контраст между этим плавающим по воде светом и темнотой, в которой скрывался мальчик, делал Менделя невидимкой.

Стемнело давно, уже тогда, когда человек в маске и двое его подручных вывели мальчика из тесной клетушки без окон, где он был заперт до вечера.

Дорогу во временную свою тюрьму Мендель запомнил плохо. Сначала они – все трое – выбрались через люк из злополучной коробки, потом долго путались в подвальных переходах. Мендель не подозревал, что под домами такая частая сеть улочек и переулков. От подземного путешествия в памяти мальчика остались лишь запахи – влажный застоявшийся запах земли, иногда – газа, реже тянуло сквозняком, и тогда он глотал впрок эти скудные капли воздуха, не зная, что будет дальше.

Шли молча и долго, потом неожиданно за очередной дверью оказался двор. Таких Мендель никогда не видал. Это был узкий колодец – земляная площадка, по краям обросшая мохом и с ржавым старинным люком посередине. Вверх уходили стены, такие высокие, что небо над головой стягивалось в неровный прямоугольник. И на стенах не было окон.

Из полутьмы двора они шагнули в мертвую темноту комнаты. Яркий люминесцентный свет с непривычки обжег глаза. Мендель догадался – пришли. И тогда, загнанный в угол, там, взаперти, он по-настоящему понял, что происшедшее очень серьезно.

Убежать ему не удастся, не стоит и пробовать. Уговоры, слезы и прочее – не те перед ним люди, которых можно пронять слезами. И ведь загнал его черт в тот склеп с амбразурами! Спрятался от дедушкиного урока! И всего-то час, один час за весь день надо было сидеть и

слушать, как дедушка втолковывает ему, дураку, свою древнюю книжную премудрость. Кого он вчера ему начал? Достоевского? Толстенную скучную книгу. С ума сойти! И таких книг у деда полдома. Единственное, что у него есть, – это он, Мендель, да книжная пыль на полках, больше ничего. Странный у него дед. Зануда, упрямый, как он сам. Но ведь родной, больше у Менделя никого нет. Дед да он. Родителей своих Мендель не помнит, он никогда их не видел. Дед говорил, они погибли, когда Менделю было год с небольшим. В тот год многие погибли, была страшная бойня – иначе не назовешь. Они с дедом чудом остались живы. Их вытаскивали из дома добровольцы-спасатели, добрые люди. И спасли.

А теперь дедушка там, дома, один. Злится, наверное. Ждет его, упрямого дурака. Ждет и не знает, в какую этот упрямый дурак попал переделку.

Мендель сидел в клетушке на стуле у голой стены. Главный куда-то ушел, двое подручных, подремывая, ждали его возвращения. Отсутствовал он недолго. Вошел и, кивнув Менделю, уселся на стул напротив.

– Знаешь, дружок, просто так я тебя отпустить не могу, уж извини. Придется тебе немного на нас поработать. Выслушай-ка одну историю. Слушай внимательно, от этого кое-что зависит. Ты понимаешь?

– Да.

– Так вот. Сегодня весь город смотрит, как великий кубинец Бодио ломает крылышки нашему неоперившемуся «Птеродактилю». Ты это знаешь. Теперь, второе. В одном месте, пока я тебе не скажу, в каком, имеется некая хитроумная вещица. Называется она – хронощуп. Слышал? Очень простое название. От тебя, малыш, требуется вот что. Прийти в это место, вежливо постучаться и сказать: "Здравствуйте, дорогие дяди. Дайте мне, пожалуйста, на время этот ваш хронощуп, очень, мол, нужно. Они тебе его, конечно, дадут, как не дать. Во-первых, ты еще малолетка, а самое главное – теперь слушай внимательно – потому что дяди эти будут, мягко говоря, неживые. Мертвые будут дяди. А мертвыми им поможет стать один маленький человек по имени Мендель Рутберг. Ты.

Мендель все понять не мог, шутит он или говорит серьезно. Глаз у главного не было видно, губы открывались ровно настолько, чтобы выпускать слова. Тон, с каким он их выпускал, был очень уж глуповатый. Так что сказанное вполне могло оказаться очередной порцией страха, поданного под шутовским соусом.

– А? Каков план?

Менделю показалось, что человек сейчас его похлопает по плечу, и, правда, тот сделал похожее движение, но хлопать не стал. Он повернул на левом запястьи зажим, потом ладонями коснулся наушников и легонько их покачал. Возможно, он массировал уши.

– Если хочешь знать, мы давно ищем смелого парня, вроде тебя. Не каждый бы решился торчать в той дохлой коробке, из которой мы тебя вытащили. Да еще держать на прицеле таких ребят, как Шнек и Маленький. И внял, как говорится, Господь молитвам нашим и послал Менделя Рутберга нам в утешение. Так-то, малыш. Такие дела. Отказаться у тебя не получится. Видеть ребят в работе – это одно, за это еще можно простить. А то, что ты сейчас от меня услышал, это слишком серьезно. Так что, братец, выбора у тебя нет. Вернее, выбор один. Или это мое предложение. Или… – Ладонями, словно крылышками, он помахал над плечами. – Надеюсь, ты понимаешь? Между прочим, не такое уж оно страшное, это мое предложение. Тебе даже делать почти ничего не придется. Одна минута страха, пока они разберутся что к чему, – и все. Дальше – наша забота. А ты – сделал дело и гуляй, где хочешь. Никто не подумает, что дело обделал какой-то малолетка, Мендель Рутберг.

Человек говорил убедительно, видно было, что он любитель поговорить. А Мендель сидел и вроде бы слушал. Но он слушал плохо и мало что из услышанного понимал. Он мучительно думал, чем же все это кончится, скорей бы уж чем-нибудь все это кончилось, не век же ему здесь сидеть и слушать слова сумасшедшего.

– Ты молодой и неопытный, у тебя должно получится. А мы – все мы свеченные-пересвеченные. Одного Шнека два раза приговаривали в вышке, оба раза заочно. Так что, малыш, как ни верти, теперь вся надежда на тебя. Конечно, электронный пропускник тебя поначалу остановит, но не беда. Стой спокойно и жди. Главное, в этот момент не наложить в штаны сверх меры. А не то тамошняя электроника такая привередливая, что реагирует даже на запах. Так вот, ты скажешь, что малолетний, тебе восемь лет, и тебе нужно сказать кое-что про… ну, к примеру, про Купчинского Душителя. На него они клюнут. И еще скажи, что у тебя есть что им показать. Это на случай, если дверь не захочет открываться. А дальше, когда тебя впустят, совсем просто. На ладони у тебя будет вот это.

Он вытащил из кармана небольшой круглый предмет с мутным глазком посередине. Вещица размером с пуговицу не казалась опасной. Главный несколько раз подбросил ее на ладони, словно монету, и каждый раз она падала глазком вверх.

– Это крепится на ладони, вот так.

Он вжал пуговицу в ладонь, и она крепко прилипла к ней; даже когда человек перевернул ладонь и потряс ее сильно, пуговица не оторвалась.

– А чтобы электронный пес не засек, что ладошка твоя не без сюрприза, мы эту пуговку хорошенько заэкранируем. Вот и все. Тебе даже не придется говорить им «здрасте», просто надавишь мизинцем на выступ на ободке – вот здесь – и помашешь дядям рукой.

В комнатенке стояла жара, но Мендель жары не чувствовал, он чувствовал холод. Холод, как прожорливый червь, поедал его позвоночник. За позвонком позвонок, выше и выше. Вот он достигает уровня сердца, сердце твердеет, в нем застывает кровь. Удары делаются звонкими и, наверное, слышными на весь мир. На весь мир. Только бы их не услышал дедушка. Только бы не услышал и не пришел на них – на удары сердца – внуку на помощь. Только бы этот страшный человек в маске не сделал дедушке плохо. А он – ладно, он – как-нибудь. Он знает, что ему делать.

Что ему делать?

* * *

Место, куда они вышли, незнакомым показалось лишь поначалу. Скоро Мендель его узнал. Просто вечернее освещение, пустынность, несмотря на непоздний час, и неожиданный ракурс таинственно преобразили город. Глаз лишился привычных ориентиров, и вот виденное много раз стало новым, стало неузнаваемым, и даже в этих печальных обстоятельствах Мендель удивился происшедшей с городом перемене.

Они находились в окраинной части, неподалеку от моря, за десяток кварталов от дома, где Мендель жил. Улочка, в которой они сейчас стояли, закутанные в тень подворотни, упиралась в сквер с гранитной фигурой на постаменте. Мендель вспоминал и никак не мог вспомнить, чей же там памятник. Это было неважно и ненужно, но он напрягал память, всматривался в нависающую над сквером фигуру, видел ее тень, разрывающую светлое пятно площади на две неравные половины. Наверное, сам мозг независимо от сознания находил в этих внешних предметах, в припоминании их привычного облика, в отгадывании забытых имен защиту от угрозы, которая исходила от стоящих рядом людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.